

ПОЛЕМИКА

Н.Д. Тамарченко

АКТУАЛЬНОСТЬ БАХТИНА

(Полемические заметки)

Тому, кто собирается доказывать, что работы М.М. Бахтина в наши дни сохраняют свою актуальность и даже становятся для науки о литературе еще насущней, проще всего сказать, что он ломится в открытую дверь. Об этом свидетельствуют продолжающаяся череда международных конференций в разных странах и не прекращающийся поток публикаций, количество которых давно уже перевалило за все мыслимые пределы.

Однако не менее постоянны и даже все более настойчивы разнообразнейшие попытки ниспровержения или «разоблачения» этого автора, выведения его работ за пределы науки о литературе. Среди них явно выделяются как своей авторитетностью, так и блестящей литературной формой многократные выступления акад. М.Л. Гаспарова. Начало им было положено еще известной статьей ученого, напечатанной примерно четверть века назад в одной из тартуских «Семиотик» (в последующие годы она несколько раз перепечатывалась в различных изданиях). Самым же поздним его выступлением на эту тему можно считать доклад «История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина» на конференциях в МГУ и РГГУ в ноябре-декабре 2004 г.

По отношению к научному творчеству Бахтина безоговорочная апологетика и столь же безусловное (несмотря на дипломатические оговорки)

неприятие, конечно, – крайности. Между ними находится огромное количество случаев использования идей и терминологии ученого в разных ситуациях и по разным поводам. Чаще всего в его работах видят нечто вроде общедоступного резервуара, из которого каждый филолог и вообще гуманитарий любой специальности при желании всегда может почерпнуть что-нибудь полезное для собственных размышлений и разысканий.

Истина же лежит вообще в другой плоскости: прежде, чем защищать, опровергать или просто использовать, не мешало бы систематически и всесторонне изучить предмет. Такой подход, в сущности, крайне редок; серьезное изучение текстов Бахтина продвигается медленно и еще медленнее завоевывает себе признание.

Господствующее отношение к великому ученому современников, а с недавних пор и потомков примерно таково: либо при всей привлекательности им написанного, его научное творчество в целом чуждо почти подсознательно, либо чуждо настолько сознательно и принципиально, что вызывает своего рода научную ксенофобию. Столь популярная интуиция не может быть случайной. Ключ к проблеме, возможно, то обстоятельство, что сочетание в Бахтине филолога и философа становится в одинаковой степени камнем преткновения для людей прямо противоположных убеждений. Например, мысль, что у этого ученого литературоведение – только оболочка и прикрытие для философии, неоднократно высказывал в целях его апологии В.В. Кожин. Но эту же мысль с целью дискредитации Бахтина развивает и М.Л. Гаспаров.

По понятным, наверное, причинам нам интереснее аргументы второго из названных авторов. Я позволю себе процитировать целиком первый абзац уже упомянутого доклада, что позволит увидеть *логику* возражений и опровержений:

«М.М. Бахтин был философом. Однако он считается также и филологом – потому что две его книги написаны на материале Достоевского и Рабле. Это причина

многих недоразумений. В культуре есть области творческие и области исследовательские. Творчество усложняет картину мира, внося в нее новые ценности. Исследование упрощает картину мира, систематизируя и упорядочивая старые ценности. Философия – область творческая, как и литература. А филология – область исследовательская. Бахтина нужно высоко превознести как творца – но не нужно приписывать ему достижений исследователя. Философ в роли филолога остается творческой натурой, но проявляет он ее очень необычным образом. Он сочиняет новую литературу, как философ – новую систему»¹.

Рассуждение исходит из того, что говорящий принимает за очевидный факт (оценка книг о Достоевском и Рабле), переходит к общим положениям о различии между творчеством и исследованием, а потом возвращается к данному частному случаю. Всей приведенной конструкции никак нельзя отказать в риторической стройности и стилистическом изяществе.

Но можно ли признать сам этот пассаж о строгой научности филологии и неизбежной «художественности» философии вполне научным, т. е. прежде всего доказательным и адекватным своему предмету? Я отвечаю на этот вопрос отрицательно. Если использовать терминологию автора этого рассуждения, то оно само – скорее философия, чем филология.

Возьмем оценку М.Л. Гаспаровым двух главных книг Бахтина. Конечно, в монографии о Достоевском философская проблематика чрезвычайно важна и действенна, а в книге о Рабле есть еще и культурологические проблемы и категории. Специалисты в области этих дисциплин с приведенной оценкой, конечно, согласятся. Не слишком упрощая, можно сказать, что в восприятии многих «Проблемы поэтики Достоевского» написаны о необходимости общения и взаимопонимания, о непродуктивности авторитарного монологизма и плодотворности толерантного диалогизма. А «Творчество Франсуа Рабле» – о противостоянии народа, приверженного к телесным радостям, авторитарной власти, которая порождает агеластов и враждебна телесной, особенно сексуальной, свободе. И не только в эпоху средневековья.

Но филологи-литературоведы, а именно – специалисты по Достоевскому и Рабле, М.Л. Гаспарову, скорее всего, возразят. С их точки зрения, тезис о двух *философских* книгах, написанных «на материале» этих писателей, сам по себе – не что иное, как недоразумение.

В монографии о Достоевском проведено, во-первых, систематическое изучение речевых структур – высказываний разных субъектов (героев, рассказчиков) – в произведениях писателя. Оно осуществляется на основе классификации типов литературного прозаического слова (глава «Слово у Достоевского»). В частности, выявлены такая особенность диалогов, как ответы на невысказанные реплики собеседника или такая особенность речи повествователя, как предвосхищение возможной реплики читателя. Это ли – не филология?

Во-вторых, охарактеризованы авантюрный сюжет и соответствующий ему герой, а также показаны функции этого сюжета у Достоевского. Может быть, это – философия? Или это «сочиненная» Бахтиным «новая литература»?

В-третьих, всеми серьезными специалистами не только по Достоевскому, но и в области теории и истории романа признан факт, из которого исходит идея «полифонического романа» и на который Бахтин впервые обратил должное внимание. Речь идет о множественности и чрезвычайной глубине идей героев Достоевского, причем вся действительность изображена в свете этих идей, а превышающая их по глубине и убедительности авторская идея отсутствует. В итоге недавно вышедшая у нас энциклопедия «Достоевский: эстетика и поэтика» вся пронизана проблемами и мотивами книги Бахтина – несмотря на то, что концепцию полифонического романа авторы этого справочника далеко не во всем разделяют.

Никакой философией и никаким «сочинением» не являются также ни характеристики площадного слова у Рабле, ни сравнение гротескного образа тела с классическим изобразительным канонem. Другой вопрос –

то, что теорию гротеска Бахтин соединил с идеей «родового тела», опираясь при этом на мысли Розанова, Ницше и Фрейда (т. е. филология и искусствоведение действительно *сочетаются* здесь с философией). По поводу филологичности этого труда в целом достаточно сказать, что он признан французской раблезистикой (см., напр., статью И. Бено, переведенную у нас: Диалог – Карнавал – Хронотоп. 2001. № 1) и преемственно связан, как показала И.Л. Попова, с историко-лингвистическими идеями Лео Шпитцера (в частности, с понятием «карнавал слов» у этого ученого).

Итак, в двух книгах, написанных отнюдь не «на материале», а именно о творчестве Достоевского и Рабле, присутствует как философская, так и филологическая проблематика, а также сочетаются методы исследования, свойственные этим дисциплинам. (Кстати, философия бывает исследованием ничуть не реже, чем филология, наоборот, – «сочинением»).

Но остается совершенно загадочным, почему М.Л. Гаспаров связывает репутацию Бахтина как филолога *исключительно с названными двумя книгами*. А статьи «Эпос и роман», «Слово в романе», «Формы времени и хронотопа в романе» и другие, опубликованные в сборнике «Вопросы литературы и эстетики» (1975)? Или статьи о речевых жанрах, о проблеме текста, ставшие широко известными благодаря книге «Эстетика словесного творчества» (1979)?

Впечатление такое, что для М.Л. Гаспарова *этих «двух книг»* как бы не было. Вряд ли при серьезном знакомстве с названными работами стали бы возможны такие заявления, как: «Бахтин ... отрицал эпос вообще. Он отвергал поэзию во имя прозы и эпос во имя романа», потому что «стихи авторитарны», а «роман может написать всякий»; «“роман” по Бахтину» – история «нравственных выборов в трагическом и комическом хаосе всех нерешенностей». Достаточно вспомнить характеристику **трех структурных особенностей романа** в статье «Эпос и роман», чтобы возник вопрос:

полно, да о Бахтине ли здесь речь? По крайней мере, о реальном ли Бахтине?

Другая группа работ ученого, которые М.Л. Гаспаров вряд ли мог зачислить по ведомству скрытой философии – статьи о Толстом, написанные для собрания сочинений писателя. Но ведь и они могут быть причиной того, что Бахтин «считается также и филологом».

Второе, не менее загадочное для меня явление – тезис, который развивается в основной части доклада М.Л. Гаспарова: «Новая, небывалая литература, программу которой сочинил Бахтин, называлась мениппеей». И еще: «...едва ли не любое произведение, упоминаемое Бахтиным, оканчивается чем-нибудь причастно мениппее». Попробуем соотнести эти безоговорочные утверждения с текстами двух опубликованных работ Бахтина по теории и истории европейского романа: «Слово в романе» и «Формы времени и хронотопа в романе».

В первом из этих исследований много сказано о юмористическом романе, английском и немецком, о его истоках («Дон Кихот»); довольно подробно охарактеризованы рыцарский роман и роман барокко, упоминаются и другие разновидности этого жанра (в частности, софистические романы, плутовской роман, роман воспитания, сентиментально-психологический и исторический романы); несколько фрагментов посвящено роману «Отцы и дети». Но *ничего не говорится о мениппее*.

И это не случайно. Для Бахтина «мениппова сатира», наряду с родственными ей явлениями (например, с площадным театром – отсюда здесь, как и в «Формах времени», разговор о значении в романе плута, шута и дурака – и «народной сатирико-реалистической новеллой») – только *источник* и притом не всего романа, а лишь *одной из* его «линий». Кстати, в этой работе глава V называется «Две стилистические линии европейского романа».

Во втором из названных исследований специально и подробно рассматриваются: греческий или «софистический» роман (гл. I), романы Апулея и Петрония, названные здесь «авантюрно-бытовыми» (гл. II), античная биография и автобиография (гл. III), рыцарский роман (гл. V), «Дон Кихот» и плутовской роман (гл. VI), «Гаргантюа и Пантагрюэль» (гл. VII и финал гл. IX) и его фольклорные и литературные истоки (гл. VIII), идиллии и их влияние на роман (гл. IX). И здесь, по моим наблюдениям, *совершенно не затрагивается вопрос о менипповой сатире.*

Только в работе Бахтина «Из предыстории романного слова» (также опубликованной в 1975 г.) находим следующее беглое косвенное замечание на столь значимую для М.Л. Гаспарова тему: «Но образов-языков, отражения разноречиво говорящей эпохи в греческом романе почти нет. В этом отношении некоторые разновидности эллинистической и римской сатиры несравненно более романны, чем греческий роман» (сатира, о которой идет речь, скорее всего – мениппова сатира). Из этого замечания совершенно ясно, сколь скромное место отведено у Бахтина мениппее – вопреки удивительным и смелым обобщениям самого влиятельного его оппонента.

Более того, если бы М.Л. Гаспаров более внимательно прочел «Проблемы поэтики Достоевского», то он нашел бы в этой книге следующее замечание о происхождении и развитии романа: «Говоря несколько упрощенно и схематически, можно сказать, что романский жанр имеет три основных корня: э п о п е й н ы й, р и т о р и ч е с к и й и к а р н а в а л ь н ы й. В зависимости от преобладания какого-либо одного из этих корней формируются три линии в развитии европейского романа: э п и ч е с к а я, р и т о р и ч е с к а я и к а р н а в а л ь н а я...»². Тут же говорится о поисках «исходных точек развития третьей, то есть карнавальной, линии романа, в том числе и той ее разновидности, которая ведет к творчеству Достоевского». И чуть ниже, на той же странице книги назва-

ны *сократический диалог и мениппова сатира*. В качестве, во-первых, **всего лишь исходных точек**, во-вторых, **только для одной линии развития европейского романа** и, в-третьих, **только для одной («диалогической») разновидности этой линии**.

Можно ли ожидать, что ученый, придерживающийся процитированного суждения об истоках и последующей истории жанра, станет непременно выискивать хоть какую-нибудь «причастность» любого из его образцов к мениппее (кстати, почему не к сократическому диалогу)? А как же тогда две другие линии развития романа? Но этого мало. С мениппеей, по мнению М.Л. Гаспарова, Бахтин сближает «едва ли не любое произведение», которое он упоминает. А упоминает он и лирику (особенно Пушкина), и драму (см. статью о драматургии Л. Толстого). И что же, все это Бахтин считал «причастным мениппее»? Заглянув, например, в анализ стихотворения «Для берегов отчизны дальной...» («К философии поступка») или в статьи о Толстом, нетрудно убедиться в обратном.

Приходится сделать малоприятный вывод. Как это ни прискорбно, но ученый, обвинивший Бахтина в желании «пересочинить саму европейскую литературу», одни работы своего оппонента проигнорировал, а другие сам явным образом пересочинил.

Теперь перейдем – вслед за изучаемым автором (М.Л. Гаспаровым) – от констатируемых им фактов к утверждаемым им же общим законам. Здесь центральное (по смыслу) место занимает сближение *философии с литературой* – по признаку *творчества*. Стало быть, творчество – это вымысел. Вот в каком смысле «области творческие» противопоставляются «областям исследовательским». Итак, наука – это «систематизация и упорядочивание старых ценностей», а не создание (= придумывание) новых. Другими словами, наука, в отличие от философии, занимается тем, что есть, а не тем, что может или должно быть.

Отнять у науки вымысел, а у философии – исследование означает одинаково обеднить и то, и другое. Стоит только допустить, что науке в данный момент известны не все существующие ценности, как возникает вопрос: вправе ли она заняться поиском неизвестных? Или другое: открытие Шекспира в качестве ценности романтиками (т. е. внесение этой новой ценности в картину мира) – кстати, таким филологом, как А.В. Шлегель – было ли актом философии? А если да, то значит ли это, что добросовестный филолог должен изъять данное непропорциональное «творческое усложнение» из своей картины мира?

Но что, безусловно, является правдой в суждениях М.Л. Гаспарова, так это то, что исследования, которые «упрощают картину мира», действительно существуют. Как раз с подобным упрощением мы в данном случае и сталкиваемся. Однако оно успешно уживается с противоположным принципом: приведенные высказывания о Бахтине не могут все-таки обойтись без вымысла, т. е. внесения в картину мира того, чего в ней нет, но что может или скорее должно, по мнению М.Л. Гаспарова, в ней присутствовать. Поэтому рассматриваемый нами доклад – в терминологии его автора – вполне заслуживает быть названным *философским*.

Как могло случиться, что ученый такого масштаба и уровня впал в очевидные противоречия как с предметом, так и с собственными методологическими установками? Думаю, дело в том, что «случай Бахтина» – это органическое сочетание филологии с философией. И попытка доказать их взаимную несовместимость искусственна потому, что противоречит не только фактам в этом отдельном случае, но также важнейшим фактам и даже закономерностям всей истории культуры.

Эпоха, породившая философско-филологический «неосинкретизм», от нас не слишком далека. Это рубеж XIX–XX веков, фигуры Ницше, Вяч. Иванова и А. Белого. В этой эпохе и коренятся истоки дисциплины, которую ее создатель назвал «эстетикой словесного творчества». Она во мно-

гом определила характер исследований и такого современника Бахтина, как А.Ф. Лосев. Возможно, что с чьей-то точки зрения, и в деятельности упомянутых философов-филологов рубежа веков такое сочетание дисциплин и методов было противозаконным. В ответ хотелось бы узнать: был ли Аристотель филологом и принесла ли вред его трактату о поэтическом искусстве его же философия?

Иначе говоря, на каком основании, признавая изначальный синкретизм двух названных дисциплин, мы отказываемся считаться с исторической закономерностью и, следовательно, законностью возврата к нему на новом витке развития культуры? Эпохи сближения философии с филологией, по-видимому, чередуются в истории культуры с периодами их расхождения. Между классической античностью и Серебряным веком был еще рубеж XVIII–XIX веков и, в частности, переписка Гете с Шиллером и их статьи по вопросам философии искусства и поэтики.

Из всего этого никак нельзя вывести заключения о незаконности или неправильности взаимодействия двух дисциплин. Скорее может возникнуть впечатление плодотворности такого взаимодействия. Разумеется, в конечном счете, каждый филолог решает для себя: идти ли ему навстречу философским проблемам в своей области или изо всех сил от них отмежеваться. Но, сделав свой выбор, он вряд ли вправе навязывать его другим в качестве непререкаемой нормы, отступление от которой грозит филологу отлучением от его дисциплины.

¹ *Гаспаров М.Л.* История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина [Электронный ресурс]. Электронные данные. [М.], 2005. Режим доступа: <http://vestnik.rsuh.ru/78/st78.htm>, свободный. Заглавие с экрана. Данные соответствуют 11.01.2006.

² *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е. М., 1963. С. 145. Разрядка принадлежит Бахтину.